

*Посвящается Рокси aka «Молния»
Мы спасли друг друга.*

Глава 1

Тьма.

Больше всего в жизни Тесса боялась темноты. Сколько себя помнила, она начинала трястись от страха, когда наступала ночь. Перед сном она заглядывала под кровать и несколько раз проверяла, исправен ли ночник на тумбочке...

Как будто лампочка, светившая не ярче горячей спички, могла прогнать прочь ночные кошмары...

Но этой ночью она молилась о самой непроглядной тьме. О том, чтобы плывущие по небу облака не выпускали наружу лунный свет. О том, чтобы остаться невидимой среди ночных теней.

Тьма теперь была на ее стороне. С идущей кругом головой и рвущимися легкими она бросилась в ее объятия — объятия спасительной тьмы, когда-то рождавшей только страх. О, чудесная тьма...

Только она могла уберечь ее от смерти до восхода солнца.

— Тессссса! — пронеслось по лесу. — Тебе не уйти...

Где он?

Она ринулась сквозь чащу, как испуганный олень. Лапы вечнозеленых елей хватали ее за руки и царапали лицо, а сердце стучало в бешеном ритме преследуемой хищником добычи. Мышцы, не привыкшие к большой нагрузке, запротестовали — Тессе пришлось замедлить свой бег. Она пробежала мимо обгоревшего дерева, чьи почерневшие ветви простирались вверх, будто пальцы обугленной руки, тянущиеся к небу. Девушка юркнула за

ствол возвышающегося дуба, прижавшись к нему с такой силой, что кора ободрала ей спину, и прислушалась.

Куда он идет?

Прямо у лица зазвенел комар. Справа от нее полнился звуками лес, окружавший озеро Скарлет. Безмолвие ночи обострило ее чувства. Лягушки выдавали свои трели, им вовсю подпевали цикады. Какой-то небольшой юркий зверек прошмыгнул мимо нее в зарослях. Воздух был наполнен запахами сосен, озерной воды... и страха.

В очередной раз ей захотелось уменьшиться и спрятаться в кроличьей норе.

Ух! На ветку чуть выше ее головы уселась сова.

Тесса была напугана, и когда поняла, что с шумом дышит через рот, прикрыла его рукой. Пальцы вмиг стали мокрыми, посмотрев на них, она увидела слезы и кровь. Тесса потрогала уголок рта — там, где он кулаком рассек ей губу. Все лицо и тело саднило после того, что он делал с ней там, на поляне, пока она не изловчилась и не нанесла ему удар в пах.

Тогда он отпустил ее, и она кинулась прочь, не разбирая дороги.

Плавнов взмахнув крыльями, сова взлетела ввысь сквозь прореху в древесной кроне. Облака разошлись, и по лесу разлился лунный свет. На несколько секунд силуэт хищной птицы показался на фоне чернильного неба — и пропал.

Скользнув спиной по стволу, она села на корточки и съежилась.

Несмотря на прохладу сентябрьской ночи, легкие горели, будто вместо воздуха вокруг был раскаленный газ. Она дышала часто и тяжело, звук каждого вдоха эхом отдавался в ушах, и казалось, что его слышно на милю вокруг.

Тихо!

Иначе он услышит. Ее физическая форма оставляла желать лучшего, и этот бешеный спринт больше все-

го сказался на легких. Но ушла она недалеко. Он где-то рядом.

— Тссссса!

Кузнечный молот ее колотившегося сердца заглушал его голос, и с какой стороны он раздавался, было непонятно.

Она сжала губы, но легкие требовали больше воздуха, голова закружилась, и перед глазами поплыл кроваво-красный туман. Она сдалась и задышала ртом, стараясь делать как можно более осторожные вдохи и отчаянно молясь, чтобы ее рваное дыхание звучало не так громко, как оно отдавалось в голове.

Прошло несколько минут.

Все было тихо.

Может быть, он пошел в другую сторону?

Дыхание немного успокоилось. Ноги начали дрожать, устав от скрюченной позы. Она бывала на той поляне сто раз, но в темноте все сливалось...

Она понятия не имела, где находилась.

Тесса выглянула из-за ствола. В двадцати футах впереди серебряные струи лунного света высветили какую-то тропинку. Ведет ли она к шоссе? За узким просветом в густой листве деревья опять смыкали свои ряды, и лес укутывала тьма.

Капли пота стекали по позвоночнику и вымочили уже весь пояс джинсов. Она прищурилась. Есть ли у нее выбор? Остаться здесь долго нельзя.

Иначе он ее догонит.

И убьет.

Надо бежать, но для этого придется выйти из своего укрытия за деревом.

Где же он?

Не важно. Нужно двигаться дальше. Пока он ее не поймал, но это только пока — в следующий раз он ее уже не отпустит. Почему она вообще ему поверила? Потому что он сказал, что любит?!

Дурочка.

Он не способен на любовь. Головой она это понимала, а сердцу хотелось верить в сказку.

Но жизнь не сказка, и теперь ее хотели убить.

Когда все это случилось, у нее было одно желание — пойти прямо к озеру и положить конец всем своим мукам в его холодных водах. Но сейчас, когда смерть дышит в спину, страх взял верх. Инстинкт самосохранения оказался сильнее всех опасений по поводу будущего.

Я не хочу умирать.

Последние слова, сказанные бабушке и дедушке, были злыми. Она им соврала. Если б не получилось выкрутиться, та ссора стала бы их последним воспоминанием о ней. Они не были идеальными, но они любили ее, и уже не было бы возможности сказать, что она их тоже любит, что наговорила лишнего, что сама в расстройстве от того, во что превратилась ее жизнь, и от того, что сорвалась на них.

Не было бы шанса попросить прощения.

Нужно уходить. Она должна выжить. Чтобы извиниться за то, что обидела двух людей, которые любили ее больше всех.

Она рывком встала на ноги, бедренные мышцы задрожали, перед глазами все поплыло. Вместо того, чтобы броситься вперед со всех ног, она стала осторожно пробираться к тропинке. Где он — непонятно, поэтому чем меньше шума, тем лучше. Раз она понятия не имеет, где находится, может, и он тоже не знает.

Выйдя из мелкого кустарника, хлеставшего ее по голым ногам, она ступила на тропинку и постепенно перешла на легкую трусцу. Утрамбованная земля под кроссовками казалась знакомой. Она свернула на повороте и ускорила шаг. Под ногой хрустнула ветка, и она бросилась вперед, словно заяц. Луну накрыло облако, и тропинка впереди погрузилась в тень. Вдруг зацепившись

обо что-то, Тесса упала и сильно ушибла колено о торчащий из земли корень дерева. Она перевела дух, стараясь проглотить комок страха, перекрывший горло. По ее щекам лились слезы.

Давай, вперед!

Она встала на одну ногу, затем на другую, выпрямилась. Заставила свои трясущиеся ноги двигаться и нетвердой походкой пошла по тропинке, но быстро остановилась: перед ней было то самое обгоревшее дерево. Она поняла, что сделала круг и теперь двигалась обратно в направлении поляны.

Прямо к нему в лапы.

Шорох мертвых листьев прозвучал подобно раскату грома.

Пожалуйста. Пожалуйста, не дай ему поймать меня!

Слезы застилали ей глаза. Проведя рукой по лицу, она стерла их и медленно потрусилась вперед.

От большого дерева отделилась какая-то тень. Она попыталась остановиться, но изношенные подошвы кроссовок предательски заскользили по земле.

Когда она подняла на него глаза, ее тело пробирала дрожь. Его дыхание было ровным, а на лице не было ни капельки пота.

И тут она поняла. Правда была хлесткой, как пощечина.

Настал ее смертный час.

Паника завладела ею, обвив горло и сжав его так, что казалось, она вдыхает воздух через тонкую соломинку.

— Ты в самом деле думала сбежать от меня? — Он покачал головой.

Она повернулась и побежала, слепо продираясь сквозь ветви деревьев. Но бежать быстрее него не могла: она уже очень устала, в то время как он оставался полон сил. Она не дышала, а судорожно втягивала в легкие

порции воздуха, а его шаги позади были ровными и уверенными.

Она вырвалась из леса. Прямо перед ней тускло поблескивала гладь озера. У кромки темной воды колыхались на ветру густые заросли камыша. Чувя под ногами болотистую почву, она бросилась к камышам. Сознанием владела одна мысль:

Спрятаться!

Влажный грунт липнул к подошвам кроссовок, и хлюпанье выдавало ее. Догнав, он схватил ее рукой за плечо и притянул к себе.

— Нет! — Она рванулась в сторону и упала на спину.

Как она и думала, сопротивление оказалось тщетным.

Она открыла рот и испустила страшный вопль.

— Заткнись! — Он ударил ее быстрым и точным движением руки.

Его кулак пришелся точно в челюсть. Она заморгала, и камышовые заросли расплылись в глазах.

Она была права. Темнота ей не помогла, не спасла. Это черная дыра, из которой не выбраться. Никогда.

Это конец.

Она упала на топкую почву. Камыши над ней трепыхали своими головками на фоне ночного неба. А потом к ней склонился черный силуэт. В лунном свете блеснуло что-то металлическое, и боль разорвала ее на куски.

Мир вокруг угас и превратился в холодную, вселяющую ужас тьму.

Глава 2

Он выбрался из камышей и устался на свои руки.

Перчатки и нож были в темной, маслянистой крови. Он повернулся к воде и присел на корточки у кромки озера. Отложив в сторону нож, сунул руки в перчатках

в воду и стал тереть ладонью о ладонь, стараясь смыть кровь, насколько это возможно. Затем содрал с себя перчатки и кинул их рядом. Все запястья были в запекшихся капельках крови. Он зачерпнул ил со дна и попытался с помощью него отскрести эти капли.

Слишком много крови. Ни за что не отмыть.

Он взглянул назад, в заросли камыша. Что он наделал?

Этого уже не изменить.

Его взгляд упал на лежавший рядом нож. К горлу тут же подкатила тошнота, и он быстро отвел глаза в сторону.

Он не помнил, сколько раз всадил в нее нож. Ярость заполнила сознание, будто в мозгу случилось короткое замыкание, и последние двадцать минут прошли как в тумане.

В тумане исступленного безумия.

Он и сейчас продолжал слышать крики, мольбы, плач, звуки боли и ужаса. Он прижал ладони к ушам — но звуки не кончались: они были внутри головы.

Хватит!

Окровавленный нож поблескивал на земле, уличая его в преступлении.

Ты ведь понимаешь, что наделал.

И ведь придется теперь с этим жить. Но как?

Завесу паники вдруг прорезала мысль.

Надо бежать!

В тюрьму ему нельзя. Там не выжить. Да даже если не сдохнешь, жизнь будет кончена. К тому же никакой пожизненный срок ее уже не вернет. Она не воскреснет.

Что делать с ножом? Каждому, кто хоть раз смотрел детективный сериал, ясно: полностью удалить с него все следы крови не удастся. От ножа и перчаток нужно избавиться. И от одежды тоже — на ней наверняка кровь. Но как это сделать?

Он перевел дух.

Думай!

Он не хотел ее убивать, но ярость взяла верх. Какое-то животное чувство, что она принадлежала ему.

Но он знал, что это неправда, всегда знал. Она никогда не была его. Он просто взял, что хотел, ни у кого не спрашивая.

У него в голове все время бродили темные мысли. Почти всю жизнь он сражался с тьмой внутри себя, прятал ее так глубоко, чтобы никто не увидел. Но Тесса разрушила его хрупкий баланс...

С первого взгляда на нее он перестал нормально соображать.

Ее красивые глаза, казалось, всегда смотрели на него. С первой их встречи ее неотвратимо потянуло к нему, как бы она ни пыталась это отрицать. В этом он был уверен. Но ее больше нет. Ее улыбка никогда больше не осветит его мрачные дни.

Люблю тебя.

Мне так жаль.

Его сердце наполнила острая боль от осознания, что ее сердце больше не бьется. Он видел, как жизнь уходит из глаз Тессы, чувствовал, как ее душа покидает тело.

Он поддался импульсу и взял с собой нож. Себе и ей на погибель.

И теперь этот чертов импульс стал огромной проблемой.

Он поднялся на ноги, повинувшись другому стимулу — надо уносить ноги. И нужно кое-что сделать. Он подобрал перчатки, с которых теперь капала вода, а не кровь. Надев их, взял нож за самый кончик рукояти. Его нужно спрятать.

Где-нибудь.

Но сначала нужно отдать последнюю дань уважения. Посмотреть на нее в последний раз, увидеть деяния рук своих. Только после этого он сможет оставить эту ночь позади и жить дальше.

Возвращаясь к камышовым зарослям, он подобрал с земли пластиковый пакет с остатками чье-то пикника, сунул нож в пакет и туго свернул его. Он решит, что с ним делать позже.

После того, как попросается с ней.

Он подошел к ее телу. Упав на колени, посмотрел на ее лицо — только на лицо. О масштабах свершившейся жестокости думать было тяжело. Словно кто-то другой вселился в его тело на те двадцать минут — не мог же он сам такое сотворить! Он любил ее...

Однако у любви есть темная сторона — чувство собственности и ревность.

И одержимость.

Когда он подумал о том, что больше никогда не увидит ее, по щеке покатилась слеза.

Я люблю тебя.

Мне так жаль.

Как мне жить без тебя?

Глава 3

Морган Дейн вяло поковырялась в салате, поданному к заказанному стейку, но тяжесть решения, которое необходимо было принять, притупила чувство голода.

— Желаете еще что-нибудь из напитков? — Официантка снова подошла к их столику.

Морган покачала головой:

— Нет, спасибо.

Перед ней стоял бокал фирменного красного, из которого она сделала лишь два крохотных глотка.

Сидящий напротив окружной прокурор Брайс Уолтерс как раз расправился со своим бокалом:

— Вам не понравилось вино?